

Если бы не Светланов, я никогда не стал бы дирижером

Госоркестр часто называют "светлановским" коллективом, забывая, что у его истоков находились такие мастера, как Гаук, Рахлин, Константин Иванов. Хотя действительно именно при Светланове ГАСО достиг пика своей формы. Оркестр записал тогда почти всю мировую классику (в частности, все симфонии Малера), все произведения русского симфонизма — от Глинки до Рахманинова и Мясковского, выступал на самых известных филармонических площадках мира — от Карнеги-холл до венской Музикферайн, аккомпанировал Гилельсу, Ойстраху, Ростроповичу, Менухину, Горовицу. А в конце 80-х годов — время общего кризиса в стране, затронувшего политику, экономику, науку, культуру, — коллектив стал стремительно терять форму. В течение года-двух были утрачены качества, наработанные десятилетиями: баланс звучания, исполнительское чувство локтя, вообще то, что позволило ГАСО войти в число лучших симфонических коллективов мира. По словам пианиста Николая Петрова, оркестр превратился в некий "музыкальный Макдоналдс". Дело дошло до невероятного — "бунта на корабле": ряд оркестрантов потребовал сменить дирижера! Через два с половиной года беспредела Светланов покинул ГАСО, а скоро маэстро не стало... В школе 2002 года главным дирижером Госоркестра был назначен Марк ГОРЕНШТЕЙН.

— Марк Борисович, говорят, что на дирижерскую карьеру вас когда-то благословил именно Светланов. Как это произошло?

— Действительно, если бы не Евгений Федорович, я никогда не стал бы дирижером. Однажды, во время гастролей в Испании, он подошел ко мне, дотронулся до плеча и сказал: "Я знаю, что вы увлекаетесь дирижированием. Когда вернемся домой — я дам вам поработать с оркестром". Он действительно позволил мне провести репетицию. Правда, всего часовой. Я успел пройти с коллективом первую часть симфонии Сезара Франка и увертюру Вебера "Оберон". Он внимательно все прослушал, а потом сказал: "Я нигде не преподаю, но учиться вам надо обязательно". Как оказалось, маэстро зря слов на ветер не бросал: по его протекции для меня было открыто место на дирижерском факультете Новосибирской консерватории...

— Давайте вернемся на десять лет назад. Из-за чего возник конфликт?

— Этот мерзкий "бунт" устроила сравнительно небольшая группа людей. Хотя должен сказать, что в той истории виноваты не только оркестранты — часть вины на самом Евгении Федоровиче. Тогда, в середине 90-х годов, он действительно все меньше и меньше времени уделял ГАСО, работая в основном над своими зарубежными проектами (он возглавлял оркестры в Швеции и Голландии). Но дело даже не в уменьшении количества концертов, а в том, что он перестал так интенсивно, как раньше, заниматься внутренней жизнью коллектива. Исчезли его прежние искрометные замыслы. В результате Госоркестр и стал понемногу угасать. Как только уволился прежний директор оркестра Георгий Агеев, а на его место был приглашен некто Румянцев, началось брожение. Из оркестра один за другим уходили профессионалы, их места занимали музыканты более низкого уровня, которых брали чаще всего вообще без конкурса. Светланов видел, конечно, что исполнители "среднеенькие", но почему-то считал, что они будут ему преданы. Все оказалось по-другому. Новички быстро нашли общий язык со старыми интриганами. Шли жалобы в высокие инстанции, в прессе публиковались "подметные письма". А ведь Евгений Федорович держал некоторых из этих людей в оркестре просто из жалости. Они же ответили ему подлостью. К тому же еще зарплата упала до уровня 50 долларов в месяц — и это на фоне безумной инфляции, вмиг уничтожившей все накопления. А в ГАСО привыкли получать весьма прилично. Прекратились и зарубежные гастроли. Оркестранты обвиняли во всем дирижера. После ухода Светланова какое-то время главным дирижером был Василий Синайский. Меня же еще до назначения Синайского вызывал к себе министр культуры Швыдкой и просил возглавить коллектив. Я категорически отказался, потому что считал и считаю, что никакие музыканты не могут победить дирижера, особенно такого выдающегося, как Светланов. Работать с ними я считал неприемлемым для себя. Потом уволился и Синайский. Меня снова вызвал к себе Швыдкой и во второй раз попросил возглавить оркестр. Я очень этого не хотел. Одна из главных причин — у меня был соб-

ственный коллектив — "Молодая Россия". Я его вырастил, выпестовал. Оркестр имел свое лицо и свою публику. Кстати, в отличие от Госоркестра мы регулярно ездили за рубеж. Бросать их было невероятно жалко. Но — так или иначе — мое назначение состоялось.

— И что вы застали в ГАСО?

— Неприязненные взгляды исподлобья и очевидную готовность продолжать бунт. Но я сразу дал понять, что с теми, кто победил великого дирижера (хотя победа этих пигмеев была, конечно, пировой), я работать не смогу. Там были три враждебные группы: работники финансовой части, которые понимали, что с моим приходом всяческие махинации завершатся, все будет прозрачно и чисто, был ряд профессионально слабых музыкантов и были, грубо говоря, просто бездельники, люди, привыкшие ничего не делать. А со мной этот номер не проходил: приходилось много репетировать, нельзя было ни прогуливать, ни опаздывать.

При этом я никого не уволил. Сами все поняли и сами ушли. Сначала дирекция, потом бухгалтерия, затем те исполнители, которые понимали, что "не тянут". Я объявил конкурс, потом другой, третий — за три года их прошло десять. В коллектив пришли 75 новых музыкантов (сейчас наш полный состав — 110 человек).

— А кто-то из "Молодой России" перешел в ГАСО?

— Многие. Число тридцать пять. Конечно, не перешли, а выиграли тяжелейшие конкурсы. Причем в художественном совете, являющемся жюри конкурсов, были только члены "старого" ГАСО.

Любой симфонический состав — живой организм. Он растет, меняется. Слабых музыкантов заменяют артисты более высокого класса. Это нормальная практика. Конечно, Госоркестру очень помог президентский грант, который был дан не за работы последних лет, а за совокупность всех достижений коллектива, олицетворявшего высокую симфоническую культуру страны, говоря высоким стилем, — за заслуги перед Отечеством. Получение гранта подняло зарплату музыкантов в десять раз. И в этих условиях мне стало во много раз легче строить новый коллектив.

— Кто стал вашей опорой? На кого вы можете, безусловно, положиться в профессиональном и человеческом плане?

— Еще до моего назначения в оркестре появилось несколько прекрасных музыкантов. В первую очередь — концертмейстер первых скрипок Сергей Иршенко. Потрясающий скрипач и безусловный лидер оркестра. Из БСО к нам перешли два отличных духовика — флейтист Леонид Лебедев и фаготист Михаил Урман. Осталось несколько музыкантов высокого класса и из прежнего состава: концертмейстер альтов Георгий Капитонов, концертмейстер контрабасов Рифат Комачков, замечательный кларнетист Юрий Бабий. Заново сформировались группыoboев и валторн. В момент моего появления в оркестре обе были в ужасающем состоянии. А сейчас наши валторнисты — просто чудо. Только один из них — Сергей Васильков — из прежнего состава. Два человека перешли из моего бывшего коллектива — "Молодой России": Алексей Мельников и Лео-

М. Горенштейн

нид Вознесенский. Появился регулятор группы — Валерий Жаворонков. Группу тромбонов заметно украсили два талантливых музыканта — Иван Ирхин и Алексей Минаев. В струнной группе тоже оказалось немало оркестрантов из моего прежнего коллектива — скрипачей, альтистов, виолончелистов. Я могу перечислять фамилии и дальше, но у вас не хватит газетной страницы.

— Поклонникам ГАСО импонирует то, что вы не давите на музыкантов, ничего им не навязываете, а просто ведете за собой...

— Действительно, для меня крайне важно, чтобы оркестр звучал без нарочитой старательности, прозрачно, легко, чтобы кровь и пот оставались, как говорят, "за кадром". А пота мы проливаем ой сколько. Приходите к нам на репетицию...

— С ГАСО часто работают приглашенные дирижеры...

— Это общепринятая практика, и дирижеров мы приглашаем очень сильных. Саулос Сондецкис — знаменитый литовский музыкант, руководитель Камерного оркестра Литвы. Дмитрий Ситковецкий — русский музыкант, ныне живущий в Англии. Михаил Юровский — бывший дирижер Музыкального театра имени Станиславского и Немировича-Данченко, сейчас он живет в Германии. Это, кстати, отец Владимира Юровского, только что назначенного главным дирижером Российского национального оркестра, дирижерская династия. Еще швейцарец Валентин Раймонд, испанец Максимиано Вальдес...

— С вашим приходом вернулась традиция зарубежных гастролей оркестра, и самой первой оказалась поездка в Италию и выступление перед Папой Иоанном Павлом II.

— Вообще, та поездка была странной. Начну с того, что дирижировать этим концертом должен был не я, а Валерий Гергиев. Но он приехать не смог — пришлось дирижировать мне, хотя я узнал об этом всего за несколько часов до выступления. В концерте участвовал хор Виктора Попова, два великопелен певца — итальянец Роберто Аланья и румынка Анжела Георгиу, которых я тогда совершенно не знал. На то, чтобы отрепетировать их программу, у меня было всего 20 минут. Игралли увертюру Верди к опере "Сила судьбы", часть из Пятой симфонии Чайковского, "Лакримозу" из мессины Роквиема (с хором Попова), аккомпанировали вокалистам.

Атмосфера концерта, тем не менее, оказалась очень приятной, он шел на открытом воздухе, во дворе одного из ватиканских дворцов. Организован он был Фондом помощи детям, всем участникам концерта были вручены памятные медали.

— И как встретила вас тогда европейская публика? Ведь ГАСО давно не был в Европе?

— Рецензенты нас хваляли, статей

было много. Но еще приятнее строки из писем простых слушателей. Так, собственно, всегда с тех пор и происходит: пресса пишет о нас восторженно, тыфу-тыфу-тыфу!

— Играть для просвещенных европейских меломанов — это, конечно, хорошо и почетно. Но вы ведь не обходите вниманием и отечественную провинцию...

— Конечно. За последние два-три года мы много раз выступали в городах Поволжья, на Урале, в Сибири. Полагаю, что и ГАСО, и другие известные коллективы просто обязаны почаще появляться в регионах. Наши концерты в областных городах всегда проходят при переполненных залах. Есть у нас и "свой" фестиваль в Подольске. Я начинал его когда-то еще с "Молодой Россией" и сейчас продолжаю с Госоркестром. Играем в любуемых мало-мальски подходящих для этого помещений, чаще всего во Дворцах культуры. Ведь в Московской области есть города, жители которых не могут попасть на столичные концерты. Для них наши выступления — просто праздник. Концерты у нас благотворительные, слушатели проходят по пригласительным билетам. А нам оплачивают только автобусы: чтобы можно было доехать до Подольска или Егорьевска и вернуться.

— Ваши приоритеты среди солистов? С вами часто выступают пианисты Николай Петров, Денис Мацуев, Николай Луганский, Александр Мельников...

— ...добавьте виолончелистов Александра Рудина и Александра Князеву, скрипача Максима Федотова. Недавно, во время наших гастролей по Германии и Англии, с нами играли пианисты Николай Демиденко и совсем молодой (ему чуть более 20) Николай Токарев. Я люблю их всех.

— Помимо "серьезных" концертов — Бетховен, Чайковский, Вагнер, Стравинский, — вы сравнительно часто выступаете с программами легкого симфонизма — вальсы и польки Штрауса, "легкий" Шостакович, Гершвин...

— Считаю, что "легкий симфонизм" в репертуаре любого оркестра необходим. "Гершвиновский вечер" мы сыграли в КЗЧ сравнительно недавно — 9 июня. Это было сделано сознательно, надо было закончить этот трудный для нас сезон чем-то радостным, несложным. Реакция зала была, как говорится, полностью адекватной.

— Объясните, почему трудным?

— Он был очень плотным и напряженным, прозвучали десятки опусов. Были первые исполнения. Были концерты облегченные, "для массовой аудитории", игрались программы для меломанов-ценителей. Три самые главные работы — это Вторая симфония Рахманинова, Шестая Чайковского и Пятая Малера. Малера сыграли в апреле — и сразу же повезли его на европейские гастроли.

— После той, апрельской, пре-

мьеры я вспомнил, что писал о Пятой симфонии ученик Малера Арнольд Шёнберг: "Я видел вашу душу обнаженной. Она простиралась передо мной, как таинственный ландшафт с его пугающими безднами и тихими, идиллическими уголками... Я воспринял ее как бурю с ее ужасами — и просветляющей, успокаивающей радугой". Именно в этих тонах малеровская Пятая звучит и у вас.

— Спасибо на добром слове. Я сам большой поклонник этого композитора. Мы уже играли его Девятую, на следующий сезон намечаем Первую симфонию... Трудность в том, что произведения Малера требуют громких составов. А некоторые — вокалистов и хоров. С хорами трудно. В сущности, можно рассчитывать только на коллективы Минина и Попова. С Мининим дружим давно, только что договорились об исполнении "Реквиема" Верди. А коллектив Попова стоит так дорого, что мы, боюсь, не потянем. В прошлом году играли "Реквием" Керубини с консерваторским хором Тевлина. Хороший хор. Но он камерный — всего сорок человек...

— Марк Борисович, возвращаясь к прошедшему сезону, почему Шестая Чайковского в вашей версии отнюдь не трагична, как это, в общем-то, привычно и принято?

— Я подступался к этому произведению много лет, пока не понял, что меня не устраивало в традиционной трактовке. Вспомните о названии, данном симфонии самим композитором: "Патетическая". От греческого "pathetikos" — страстный, взволнованный. "Страстная" симфония, а вовсе не надрывная. Извечная проблема марша третьей части. Какой он? Мужественно решительный, светлый — или "темный", враждебный? У меня — равновесие. Финал — без традиционных рыданий вздох. Драма человеческой личности, но — разумно сбалансированная.

— Теперь о ваших отношениях с двадцатым веком. Вы как-то сказали, что сознательно остановились на Прокофьеве, Шостаковиче и Бартоке. Что, не хотите пугать диссонансами аудиторию?

— Это верно. Хотя мне нравятся и Хиндемит, и Онеггер, и ранний Шёнберг. И даже Лютославский. А недавно мы сыграли целую серию авангардных партитур, написанных студентами композиторского факультета консерватории, учениками Романа Леденева, Владимира Тарнопольского, Александра Чайковского, Фараджа Караева. Музыка весьма радикального толка. Мы подробно проштудировали эту необычную звуковую ткань. Мы также открывали в прошлом году фестиваль "Московская осень" — впервые за 27 лет его существования. Игралли достаточно современные по языку опусы Андрея Эшпага, Владислава Казенина, Алексея Николаева, болгарского композитора Минчева. Тот концерт вызвал восторг композиторского сообщества. Теперь, по просьбе Союза композиторов, мы будем открывать "Осень" каждый год.

— В сентябре 2006 года — столетие Шостаковича. Чем вы его отметите?

— Шостакович — один из самых любимых моих композиторов. Я дирижирую почти всеми его симфониями — кроме 2-й, 3-й и 12-й. А 25 сентября, в 100-летнюю годовщину, ГАСО сыграет 1-й скрипичный концерт (солист Виктор Третьяков) и 8-ю симфонию. Дирижировать будет Мстислав Ростропович. Он сам выбрал именно наш коллектив — я, естественно, ему не отказал. Поскольку юбилейным будет целый год, мы сыграем еще несколько программ с музыкой Дмитрия Дмитриевича. Ведь в архивах лежит немало его произведений, либо никогда не звучавших, либо сыгранных один-два раза.

— Но в будущем году у вас еще одна дата — 70-летие ГАСО!

— Пока об этом сложно думать. В основном по причинам финансовым. Спонсоры думают, что, поскольку у нас есть президентский грант, помогать нам не надо. Не понимая, что грант — это лишь средства на зарплату оркестрантам. А ведь я собираюсь пригласить на юбилей некоторых дирижеров мирового уровня, стоящих недешево...

Беседу вел
Аркадий ПЕТРОВ
Фото Степана РАПЧЕВСКОГО